

ОРГАНИЗАЦИЯ СОБИРАНИЯ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В 1840-х ГГ.

М.В. Хартанович

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург*

В статье рассматриваются начальные этапы истории и способы формирования краниологического собрания Императорской Академии наук в период с конца XVIII до 40-х гг. XIX в. Показан вклад медиков, работавших в России, в развитие краниологического собрания профессора медицины Геттингенского университета, анатома, зоолога Иоганна Фридриха Блуменбаха, изучавшего морфологию черепов различных народов, и научные связи с российскими учёными. Обозначены начало правового оформления сбора черепов для создания краниологической коллекции в Академии наук в Санкт-Петербурге, закладка основ музейного хранения краниологического материала, правила сбора и описания костных материалов при археологических раскопках в России для последующего комплексного описания археологического памятника. Затронуты музейные контакты директора Анатомического кабинета Академии наук Карла Бэра и шведского антрополога профессора анатомии Каролинского института медицины и хирургии Андерса Ретциуса в части развития российского краниологического собрания. Изложены материалы по организации экспедиций Академии наук, одной из задач которых был сбор остеологического материала. Приведены воспоминания зоолога А.Ф. Миддендорфа об антропологических измерениях народов, проживавших в местах работы экспедиции на Таймыре, и примеры первых измерений; корреспонденция этнографа М.А. Кастрена об организации раскопок древних курганных захоронений и отношение к этому населения Минусинского уезда. Затронута история экспедиции венгерского исследователя А. Регули на Северный Урал в части антропологических измерений и изготовления гипсовых слепков голов информантов из числа коренного населения Сибири.

Ключевые слова: Императорская Академия наук, краниологическое собрание, археологические раскопки, экспедиции, инструкции, Кунсткамера

Изучение разнообразия физического облика народов Российской империи, основывавшееся на визуальном наблюдении и словесном описании, развивалось в Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге с 1740-х гг. благодаря академическим экспедициям [Радзюн, Хартанович, 2015].

Краниологический материал для исследования расовых типов Академией наук не привлекался, однако черепа, собранные в России медиками, интересовавшимися развитием естествознания, послужили основой для разработки этого направления в Геттингенском университете.

Черепки из Российской империи вошли в коллекцию профессора медицины Геттингенского

университета, анатома, зоолога Иоганна Фридриха Блуменбаха (1752–1840). Её составляли черепа народов Африки, Америки, Юго-Восточной Азии, Европы, всего 82 черепа. Наибольшее количество черепов происходило из Российской империи (порядка 48): 18 черепов русских из различных местностей (Кострома, Курск, Москва, Звенигород и пр.), другая часть была без указания места происхождения. Кроме того были черепа татар, калмыков, цыган, финнов и единичные: чуваша, казаха, якута, тунгуса, грузина, лезгина [The Anthropological treatises..., 1865].

И.Ф. Блуменбах указывал в каталоге своего краниологического собрания, от кого поступили

череп. Основным дарителем оказался уроженец Санкт-Петербурга, медик, участник Семилетней войны (1756–1763), русско-турецкой войны 1768–1774 г. Георг Томас фон Аш (1729–1807) [Чистович, 1883]. Обладая обширными связями в медицинской среде, он организовал соби́рание краниологического материала для исследований в Геттингене. К примеру, монгольскую расу (по классификации Блуменбаха) представлял череп оленного тунгуса. В 1791 г. мужчина по фамилии Амуре́ев, живший в 350 верстах (373 км) от Баргузина, перерезал себе горло. Для проведения расследования из Верхнеудинска был направлен армейский хирург Шиллинг, который и привез впоследствии череп тунгуса барону фон Ашу [The Anthropological treatises..., 1865].

Очевидные возможности медиков по сбору не только краниологического материала, но и достоверной информации о национальной принадлежности, поле, возрасте, заболеваниях покойного были учтены при организации в Императорской Академии наук собственного краниологического собрания. 18 декабря 1811 г. Медицинский департамент Министерства полиции уведомил губернские врачебные управы о предписании доставлять в Академию наук черепа разных народов. Медицинский департамент обязывал врачебные управы присылать в Академию наук черепа народов, «избирая такие, которые в образовании своем имеют национальный отличительный какой-либо признак» [Хартанович, 1999, с. 101].

В первые десятилетия XIX в. Академия наук использовала также и обширные возможности кругосветных плаваний к берегам Русской Америки. Медики, участвовавшие в морских экспедициях Российской империи, выполняли как свои прямые обязанности, так и задачи по изучению естественной истории и описанию культур и физического облика различных народов.

Предвестниками, по выражению Карла Бэра, отдельного академического антропологического собрания стали черепа коренных жителей Русской Америки: алеутов, тлинкитов, эскимосов, доставленные в Академию наук благодаря кругосветному плаванию М.Н. Станюковича и Ф.П. Литке на шлюпах «Моллер» и «Сенявин» (1826–1829) [Бэр, 1859]. Собирателем был врач по морскому ведомству Карл Генрих Мертенс (1796–1830). Приведем пример, как удавалось получать черепа. В собрании, переданном в Академию наук (коллекция МАЭ № 5025), был череп невольника, принесенного индейцами тлинкитами в жертву во время ритуала. Врач Мертенс с риском для жизни отыскал в лесу тайное ритуальное место и декапетировал тело невольника [Литке, 2014].

Отметим, что не только в Академии наук, но и в Казанском императорском университете высказывали интерес к организации собственной краниологической коллекции, изучению морфологии черепа и этнической истории различных народов. В 1824 г. Морское ведомство предполагало перевозку грузов в Русскую Америку на военном шлюпе «Смирный». По сложившейся практике в кругосветных экспедициях к берегам Америки участвовали ученые, проводившие изыскания в области естественной истории. Натуралистом в экспедицию был прикомандирован ординарный профессор естественной истории и ботаники Казанского университета В.И. Тимьянский (1791–1840). В документе «Вопросы, предлагаемые Профессору Тимьянскому на решение в его путешествии вокруг света», составленном профессором терапии, патологии и клиники, ординарным профессором Казанского университета, выпускником Геттингенского университета К.Ф. Фуксом (1776–1846), В.И. Тимьянскому предлагалось уточнить сведения по «натуральной истории человека». В первую очередь это относилось к народам островов Тихого океана, сведения о которых еще были весьма недостаточны. Тимьянский должен был собирать черепа и делать точные рисунки островитян. Аналогичный научный интерес представляли народы Китая, Японии, Кореи, северо-востока Сибири. Сведения о жителях этой части Сибири предполагалось использовать для разъяснения вопросов о происхождении эскимосов. Также подчеркивалась важность описания особенностей физического облика и морфологии головы населения Малайского архипелага: «отчего на больших островах места самые дикие населены людьми отличного племени: с курчавыми волосами, черною кожею, негрским лицем, как напр. Папуанцы на Ново Голландии? К какому племени принадлежат они?» [Вишленкова, 2009, с. 290–291]. Однако экспедиция на шлюпе «Смирном» не удалась: шлюп был вынужден укрыться от бури и зимовать в порту Норвегии, а затем получил приказ вернуться в Россию. Тем не менее, научная подготовка этого плавания показывает распространение интереса к физической антропологии в научных и образовательных центрах Российской империи.

К 1840-м годам в Петербургской Академии наук были положены основы сохранению краниологического материала при раскопках памятников древности.

В 1838 г., член-корреспондент Академии наук, адъюнкт историко-филологического отделения Академии П.И. Кёппен (1793–1864), проводя ревизию иностранных колоний в Таврической губернии, обследовал археологические курганы, собирал

Рис. 1. Череп из раскопок И. Корниса в окрестностях Мелитополя. МАЭ № 4652-2

сведения о находках местными жителями различных древностей [Дровосекова, 2012].

По возвращении в Санкт-Петербург, на заседании Академии 15 июня 1838 г. П.И. Кёппен зачитал отчет об обследовании курганных насыпей на территориях близ города Орехова Мелитопольской губернии, на землях менонитских колонии и о находках местными жителями древних предметов. Кёппен передал для Академии наук 2 черепа. Один был извлечен из курганного погребения на землях князя Ангальт-Кётена близ Аскания Нова в 1832 г. служащим князя Цетеманом. Помимо останков человека на вершине кургана были обнаружены останки лошади и узды. Второй череп был найден менонитом Герхардом Хардером в берегу реки Молочной. П.И. Кёппен также представил Академии найденные «в обычное могиле» на берегу реки Чингул менонитом из Гальбштадта Петером Грёнингом серьги, бусы, янтарь и прочее [Опись коллекции МАЭ № 5042].

П.И. Кёппен информировал Академию о том, что член-корреспондент ученого комитета Министерства государственных имуществ, менонит Иоганн Корнис за свой счет уже проводил исследования нескольких курганов, и предложил Ака-

демии привлечь Корниса к дальнейшим изысканиями, но уже за счет Академии [Дровосекова, 2012]. В 1842–1843 гг. пожизненный председатель менонитского земледельческого общества, председатель Общества по улучшению сельского хозяйства Иоганн Корнис (1789–1848) по заданию и за счет Академии провел раскопки в Мелитопольском уезде. В 1844 г. в Императорскую Академию наук от Корниса поступили черепа из курганов на правом берегу р. Корсак, курганов вблизи Мелитополя (рис. 1).

Но вернемся на несколько лет назад к докладам П.И. Кёппена по организации академического археологического собрания. На заседании Академии наук 5 апреля 1839 г. был заслушан рапорт П.И. Кёппена о необходимости создания собрания «могильных вещей». В структуру такого собрания входил не только погребальный инвентарь, но и черепа (рис. 2). Подобные комплексы предлагалось хранить в Академии наук для сравнительного изучения последующих находок [Тункина, 2002].

Таким образом, краниологический материал собирался в Императорской Академии наук как для изучения расового разнообразия человечества, так и для исследования прошлого – всестороннего

Рис. 2. Ожерелье из глазчатых бус. IV–III вв. до н.э. Из раскопок И. Корниса в окрестностях Мелитополя. МАЭ № 22-2

описания и сравнения комплексов археологических находок.

В 1842 г. последовало событие, коренным образом повлиявшее на судьбу академического краниологического собрания. По завещанию инспектора медицинских учреждений и военных госпиталей в Нидерландской Индии полковника Георга Йозефа Пейтча (1788–1838) в Анатомический кабинет Академии наук поступила коллекция черепов (83 ед.) народов материковой и островной Юго-Восточной Азии. В 1813–1815 гг. Пейтч служил врачом в русской армии и в память о своей службе завещал свою краниологическую коллекцию российскому правительству [Бэр, 1859].

Благодаря получению этой большой, систематизированной краниологической коллекции академик по кафедре зоологии Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге Карл Эрнст фон Бэр был назначен в 1842 г. директором Анатомического кабинета Академии [Карл Бэр и Петербургская академия наук..., 1975].

Для развития краниологического собрания Академии, установления научных связей К. Бэр в 1843 г. предложил организовать коллекцию гипсовых слепков с имеющихся черепов и галерею

гипсовых бюстов представителей различных народов. Это давало бы возможность обмена материалом с другими музеями, особенно по народам, с которыми Россия имела слабые связи: Африкой, большей части Америки, большей части Азии.

К. Бэр состоял в переписке со шведским антропологом, натуралистом, профессором естественной истории Университета г. Лунда, профессором анатомии Каролинского института медицины и хирургии Андерсом Адольфом Ретциусом (1796–1860).

В Каролинском институте А. Ретциус собрал коллекцию черепов различных народов и гипсовых слепков с черепов. В 1844 г. он передал в дар Академии наук в Санкт-Петербурге 2 черепа и гипсовые отливки с черепов из собрания Шведской академии наук: кельтов, норманнов, древних жителей Дании, гренландцев и саамов, а также два натуральных черепа шведов (коллекция МАЭ № 5138) (рис. 3, 4).

К началу 1840-х гг. в Академии наук возобновилось экспедиционное исследование Сибири, открывались возможности и для антропологических исследований.

В 1838 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков предложил Академии наук организовать экспедицию для изучения северных областей Сибири. К. Бэр счел нужным расширить обследуемую территорию к востоку от Енисея, между реками Пясиной и Хатангой. Для понимания возможностей организации экспедиции К. Бэр предложил перечень вопросов, которые были отправлены П.Д. Горчакову. Они касались организации передвижения по суше и воде, мест проживания русского населения, выяснения вопросов: какой образ жизни вело население (кочевой или оседлый); где проводились ярмарки; есть ли там леса, когда замерзают и вскрываются реки; какие водятся птицы и рыбы; есть ли вулканы; обнаруживали ли останки мамонта? (СПФ АРАН¹. Ф. 2. Оп. 1-1838. Д. 6. Л. 38–42). В сопроводительном письме неременный секретарь Академии П.Н. Фус отмечал возможность расширения пространства исследований «на несколько отраслей науки, именно же – на физику земного шара (физическую географию), естественные науки, этнографию, лингвистику и древности» [Сухова, Таммиксаар, 2015, с. 32]. Кроме того, П.Н. Фус предложил организовать покупку одежды живущих на севере народов, предметов их быта, инструментов, орудий шаманов и черепов.

¹СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.

Рис. 3. Череп из коллекции А. Ретциуса. МАЭ № 5138-2

Рис. 4. Слепок черепа саамской девочки из коллекции А. Ретциуса. МАЭ № 5138-12

На вопросы академиков ответил председатель Енисейского губернского правления Н.С. Турчанинов в конце февраля 1841 г. В отношении сбора черепов он писал о трудностях этого задания: «...черепов туземных жителей получить очень трудно, да и едва ли возможно, потому что тамошние обитатели имеют обычай класть умерших в отдаленных местах, сохраняя в том величайшую тайну, добровольной же уступке, по дикости их, и ожидать нельзя» (СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1838. Д. 6. Л. 37 об.).

На заседании Академии наук 27 августа 1841 г. было решено организовать небольшую экспедицию в район между реками Хатангой и Пясиной, которая бы также занялась наблюдением вечной мерзлоты в шурфе Шергина в Якутске [Сухова, Таммиксаар, 2015].

18 ноября 1841 г. доклад президента Академии наук С.С. Уварова об организации Сибирской экспедиции был одобрен Николаем I. Руководителем экспедиции был утвержден экстраординарный профессор университета св. Владимира в Киеве, соратник Бэра по экспедиции в Лапландию и на Белое море А.Ф. Миддендорф (1815–1894). От Академии наук Миддендорф получил инструкции по геологическим, метеорологическим, зоологическим и ботаническим изысканиям. К. Бэр подготовил инструкцию для изучения вечной мерзлоты.

Основная исследовательская задача А.Ф. - Миддендорфа относилась к области физической географии, однако он проводил и антропологические изыскания. В части «Коренные жители Сибири» итоговой работы «Путешествие на Север и Восток Сибири» А.Ф. Миддендорф писал, что во время более длительного пребывания в каком-либо месте и, имея свободное время, он с большим усердием занимался измерением «черепов», как писал автор, различных народов. Но несколько тысяч записей измерений остяков, юраков, самоедов, долган, якутов, утонули при крушении лодки экспедиции на Таймырском озере. Заново собрать эти сведения уже было невозможно, так как все «объекты» измерений разъехались. А.Ф.-Миддендорф для примера опубликовал уцелевшие данные измерений головы и тела [Путешествие на Север и Восток Сибири А. Миддендорфа..., 1878]. Ученый также опубликовал характеристики особенностей внешнего облика якутов, негидальцев, тунгусов, долган, самоедов, енисейских остяков и описывал их традиционный уклад жизни. Ему удалось сохранить и опубликовать антропологические изображения представителей различных народов, встреченных им в начале 1843 г.

Задачи по этнографо-лингвистическому изучению в Сибирской экспедиции возлагались на финского языковеда, этнографа Матиаса Александра Кастрена (1813–1852).

На заседании Академии 8 марта 1844 г. академик К. Бэр представил инструкцию А. Кастрену по сбору краниологического материала. Он подчеркивал благоприятную для этого ситуацию. Чтобы изучить языки сибирских народов А. Кастрен должен был прожить в их среде, свести близкое знакомство. Сбору краниологического материала способствовали бы и традиции надземного захоронения усопших, и то, что «многие эти малые народы не признают христианскую церковь, значит, останки костей также не защищены освященной землей». К. Бэр также высказал пожелание получить, по возможности, полные скелеты каждого из основных народов и сделать гипсовые маски их представителей (Приложение 1).

Будучи в экспедиции, в письме ординарному академику по филологии и этнографии финских и кавказских племен, директору Этнографического музея Академии наук Иоганну Андреасу Шегрену из Минусинска от 20 апреля 1847 г. А. Кастрен описывал ситуацию с раскопками древних курганов и приобретением древностей для Академии наук. На раскопки больших курганов потребовалась бы слишком обременительная для А. Кастрена сумма: от 50 до 100 рублей ассигнациями. Прикази он разрыть только десять курганов, и у А. Кастрена не хватило бы денег и на могилу для собственной персоны. Тем не менее, он решился потратить на раскопки курганов 100 рублей серебром с надеждой на то, что Академия возместит ему эти траты, а он, в свою очередь, передаст все найденные черепа и древности. А. Кастрен писал, что идет на эту меру не по причине корысти или жажды стяжания, а из-за истощения собственной казны и большой дороговизны в Минусинском крае. В случае отказа, А. Кастрен рассматривал бы находки как свою собственность и поступал с ними по своему усмотрению. Он уже получил поручение собрать черепа для Гельсингфорского анатомического кабинета, но не считал себя вправе выполнить поручение без разрешения на то Академии [Путешествие Кастрена..., 1860].

Из переписки А. Кастрена мы также узнаем, как местное население относилось к раскопкам курганов. Была жива память об изысканиях в этих местах профессора натуральной истории Академии наук Петра Симона Палласа в 1772 г. и последовавшем моровом поветрии среди животных, что связывали с раскапываем древних курганов. Однако М. Кастрену никаких помех не чинили и считали, что из древних черепов он делал очень сильную лекарственную настойку [Путешествие Кастрена..., 1860].

Из деревни Шуши 13 июня 1847 г. А. Кастрен сообщал И. Шегрену о том, что раскопал 14 курганов разного времени. В старых курганах он находил останки людей и животных, медные и керамические предметы. А. Кастрен описывал положение скелетов: скелеты лежали на спине или боку, в деревянных или каменных гробах. В каждом гробу были преимущественно мужской и женский скелет, один из которых обычно был сильно разрушен. А. Кастрен подшучивал, что он три месяца «исправлял в Минусинском уезде должность могильщика, о чем может засвидетельствовать Санкт-Петербургская академия, куда в скором времени явится множество вырытых мною черепов [Путешествие Кастрена..., 1860, с. 405–407]. В 1847 г. Академии наук в Санкт-Петербурге были переданы черепа из курганных погребений в Качинской, Сагайской, Койбальской степях. (Коллекция МАЭ № 5721 и 5722) (рис. 5).

В 1843–1845 гг. по заданию Венгерской Академии наук на Северный Урал в места проживания вогулов и остяков отправился венгерский исследователь Антал Регули (1819–1852).

Научной задачей Антала Регули было исследование происхождения венгерского языка, его прародины и родственных венграм народов угрофинской языковой группы, населяющих север Уральских гор. В 1841–1842 гг. А. Регули находился в Санкт-Петербурге, где изучал материалы по венграм и обским уграм. В эти годы он познакомился с К. Бэром, статистиком и этнографом академиком П.И. Кёппеном, лингвистом и этнографом академиком А.И. Шегреном. А. Регули убедился в необходимости большого лингвистического и этнографического исследования, подразумевавшего изучение языков, фольклора, традиционного уклада и особенностей физического облика финно-угорских народов. В 1843 г., получив стипендию Венгерской Академии наук и поддержку К. Бэра, А. Регули отправился на Северный Урал [Терюков, 2011].

Из инструкции К. Бэра М.А. Кастрену узнаем, что К. Бэр наставлял А. Регули в сборе черепов и изготовлении гипсовых бюстов народов, проживающих в местах работы экспедиции. К. Бэр выражал надежду, что Академия наук в Санкт-Петербурге компенсирует А. Регули расходы на этнографические и антропологические коллекции и получит гипсовые бюсты и, при возможности, черепа (Приложение 1).

По инициативе К. Бэра А. Регули проводил антропологические исследования: измерял головы, делал гипсовые отливки голов. Из-за последнего среди вогулов и остяков, живших по берегам рек Конды и Пелыма, распространилась страшная весть: «... прибыл человек, которому дана неограниченная власть; он отрезает любому человеку голову, заливает её гипсом и берет в ящике с собой,

Рис. 5. Череп из раскопок А. Кастрена курганов в Качинской степи. МАЭ № 5721-1

его сопровождают восемь одетых в железо и поэтому неуязвимых мужчин» [Загребин, 2006, с. 265].

В архиве венгерского антрополога Кароя Папая (1861–1893) исследователь Анна Вандор выявила копию данных антропологических измерений А. Регули «Cranioscopische Tabelle über den lebenden Kopf nach pariser Zolle gemessen (Von Anton Reguly)» (Краниологическая таблица живых голов, измеренных в парижских дюймах (от Антона Регули)). Измерения девяти мужчин были выполнены в селе Всеволодо-Благодатском в конце 1843 – начале 1844 г. Карой Папая отмечал, что полученные данные имеют лишь историческое значение, так как не сохранилось сведений о методике выполненных измерений [Вандор, 2012].

А. Регули также выполнил гипсовые отливки голов информантов вогулов. Гипсовые отливки, как и этнографические коллекции, а также лингвистические материалы были преданы Анталом Регули в 1847 г. Венгерской академии наук, финансировавшей его экспедицию [Кережи, 2010]. Однако экспедиционные исследования А. Регули показывают комплекс антропологических экспедиционных изысканий, выполненных по наставлениям К. Бэра.

В 1844 г. К. Бэр опубликовал первую краниологическую работу «Vergleichung eines von Herrn Obrist Hoffmann mitgebrachten Karagasen-Schadels mit dem von Herrn Dr. Ruprecht mitgebrachten

Samoyeden-Schadel» («Сравнение одного карагасского черепа, полученного от полковника Гоффманна, с черепом самоеда от доктора Рупрехта»). Как писал советский антрополог М.Г. Левин (1904–1963): «...это не только первая в России, но несомненно одна из первых в антропологической литературе краниологическая работа, в которой с такой полнотой поставлены многие методические и общие вопросы антропологии» [Левин, 1954, с. 111]. К. Бэр описал один карагасский череп, один самоедский и девять черепов бурят, приводя подробную характеристику особенностей мозгового и лицевого черепа.

Таким образом, в Императорской Академии наук в 1840-х гг. складывалось разнообразное краниологическое собрание, позволявшее проводить исследования в области морфологии головы, краниологии, разрабатывать методики антропологических измерений. Были заложены основные способы формирования краниологической коллекции: через медицинские службы, во время экспедиций, в комплексе археологических изысканий.

Библиография

Бэр К. Известия о собрании черепов в Императорской С.-Петербургской академии наук // Русский вестник, 1859. Т. 21. Кн. 1. С. 3–28.

- Вандор А. Восхваление информантов. Часть вторая: Регули и Бахтияров // Этнокультурное наследие народов Севера России: К юбилею д-ра ист. н., проф. З.П. Соколовой / отв. ред. Е.А. Пивнева, 2010. С. 98–108.
- Вишленкова Е.А. Человеческое разнообразие в локальной перспективе: «большие теории» и эмпирические знания (Казань, первая половина XIX века) // *Ab Imperio*, 2009, № 3. С. 245–345.
- Дровосекова О.В. Из истории первых научных исследований памятников археологии в Запорожском крае // *Музейный Вісник*, 2012. № 12. С. 163–171.
- Загребин А.Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск: Удмуртский филиал института истории, языка и литературы УрО РАН, 2006. 324 с.
- Карл Бэр и Петербургская академия наук: Письма деятелям Петербургской академии / сост., авт. предисл. Т.А. Лукина, ред. И.И. Канаев. Л.: Наука, 1975. 246 с.
- Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули // *Сибирский сборник. К юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко*. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 268–294.
- Левин М.Г. Антропологические работы К.М. Бэра // *Советская этнография*, 1954. № 1. С. 107–131.
- Литке Ф.П. Плавание вокруг света и по Северному ледовитому океану. М.: Директ-Медиа, 2014. 856 с.
- Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). Т. 6. Собрание старых и новых путешествий. М., 1860. 195 с.
- Путешествие на Север и Восток Сибири А. Миддендорфа. Ч. II. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отд. VI. Коренные жители Сибири. СПб., 1878.
- Радзюн А.Б., Хартанович М.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук XVIII в.: у истоков антропологических знаний в России // *Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология*, 2015. № 2. С. 114–122.
- Сухова Н.Г., Таммиксаар Э. Александр Федорович Миддендорф: к двухсотлетию со дня рождения. СПб.: Нестор-История, 2015. 384 с.
- Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми. СПб.: МАЭ РАН, 2011. 514 с.
- Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 723 с.
- Хартанович М.Ф. Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб.: Наука, 1999. 222 с.
- Чистович Я. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883. 1040 с.
- Bulletin de la Classe physico-mathematique de l'Academie Imperiale des science de St.Petersbourg. St. Petersburg. Leipzig, 1845. Vol. 3–4. P. 79–80.
- The Anthropological treatises of Johann Friedrich Blumenbach and Hunter. London, 1865. 480 p.

Контактная информация:

Хартанович Мария Валерьевна: e-mail: marhar@kunstkamera.ru.

FOUNDATION OF THE IMPERIAL ACADEMY OF SCIENCES' CRANIOLOGICAL COLLECTIONS IN 1840S

M.V. Hartanovich

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS, Saint Petersburg

The article reviews the first stages of crania collection by the Imperial Academy of Sciences starting from the late 18th – through the 1840s. We note the contribution by Russian physicians to craniological collection of Johann Friedrich Blumenbach, professor of Gottingen University, who studied morphology of different nations' crania; and his research contacts with Russian scientists are shown. We describe the beginning of legalization of cranium collecting in St. Petersburg Academy of Sciences and foundations for museum curation of craniological collections; we also specify principles of collecting and describing osteological materials during archeological excavations in Russia for further multidimensional documentation of an archeological site. Museum contacts of the Director of the Academy of Sciences' Anatomical Cabinet Karl Baer with Swedish anthropologist and professor of anatomy in Karolinska Medical Institute Anders Retzius are indicated regarding the development of Russian craniological collection. Materials on organization of the Academy of Sciences' expeditions with the aim to collect osteological materials are presented. We provide zoologist Aleksandr Middendorf's notes on anthropological measurements of the people inhabiting the Taymyr Peninsula; ethnographer Mathias Castren's correspondence on organization of excavations of ancient burial mounds and the attitude of people from the Minusinsk Region towards it; history of Hungarian researcher Antal Reguly's expedition to the North Ural is mentioned in terms of anthropological research.

Keywords: *Imperial Academy of sciences, craniological collection, archeological excavations, expeditions, instructions, Kunstkamera*